



свободная газета свободных поэтов

ЗАПАДНЫЙ ФОРПОСТ

№ 51
декабрь
2020

АНДРЕАПОЛЬ • ПЕНО • ТОРОПЕЦ • НЕЛИДОВО • БЕЛЫЙ

ВСПОМИНАЯ «КАБЛУКИ»

* * *

Углы окна прикрыты лёгкой шторой,
таинственная графика ветвей,
И в их оправе – лунный глаз дозором
бесстрастным над провинцией твоей.

Не оторваться, застываешь в миге
штрихом картины, полной
колдовства.
И суетности падают вериги,
и прсытятся высокие слова.

Но что луне? Встревожив наши души,
к рассвету канет, не сыскать следа,
За той деревней, где всё тише, глуше,
где мёртвых окон сонная вода.

*Маргарита Петрова,
Андреаполь*

Особенности уходящего года не позволили поэтам и бардам в полной мере насладиться фестивальными встречами, однако в августе приятным исключением стала «Каблуковская радуга». Будем верить, что она состоится и в следующем году. А пока в ожидании начала нового конкурсного отбора вспомним, как это было.

Юбилейные, двадцатые литературные встречи «Каблуковская радуга» по определению не могли стать обычными. Они и не были таковыми. С самого начала вмешавшийся в подготовку карантинный форс-мажор грозил помешать традиционной встрече поэтов и авторов-исполнителей из разных уголков не только Тверской области, но и всей России. Тем не менее, важное литературное событие успешно состоялось, и хочется поблагодарить постоянного организатора фестиваля, поэта Владимира Львова, его помощников-волонтеров и сельскую администрацию, которые в столь непростой ситуации сумели организовать праздник поэзии в селе Савватьево и сделать его незабываемым.



Несмотря на то, что не все постоянные участники смогли присутствовать на фестивале лично, число гостей всё же оказалось солидным и радующим. Помимо тверичан, среди них были поэты и барды из Ухты, Подмоскovie, Тульской и Ярославской областей. Приехали и представители «Западного форпоста» – нелидовцы Игорь Столяров и Елена Калашникова. Для Елены, ранее неоднократно участвовавшей в поэтическом конкурсе «Каблуков», нынешний фестиваль стал успешным дебютом в качестве автора-исполнителя собственных песен. По итогам бардовского конкурса ей была вручена почётная грамота за высокий художественный уровень произведений. А чуть раньше ведущие мастер-классы по авторской песне Сергей Леонтьев и Алина Серёгина (творческий дуэт «Остров» из Подмоскovie) поделились с бардами опытом и дали немало ценных советов. Поэты же смогли побывать на семинарах Евгения Артюхова (г. Москва), Юрия Моисеева (Московская область), Ирины Кучеровой (г.Торжок), а также Ивана Демидова,

Елены Павлиновой и Бориса Зверева (Тверь).

Хочется отметить, что многие «форпостовцы» вновь заняли весьма достойные места по итогам конкурса. Среди вплотную подобранных к вершинам оказались наши постоянные авторы Маргарита Петрова, Сергей Воробьёв, Светлана Большенкова. А Игорь Столяров стал лауреатом второй степени в номинации «Лирическая поэзия». Первенство в основной номинации жюри присудило волочанину Володе Соловьёву (он же победил в номинации «Стихи, посвящённые 75-летию Победы в Великой Отечественной войне»), а третье место досталось Любове Тетериной из Кимр. В бардовском конкурсе в очередной раз блеснул новыми яркими песнями Пётр Кретов из подмосковного посёлка Новое Гришино.

Поздравляем всех победителей и участников с замечательным праздником поэтического братства и надеемся на новые встречи на живописном берегу Орши.



Артём Сидой,
г. Белый

Артём Сидой родился в городе Белый Калининской области 28 апреля 1990 года. В 2007 году окончил Бельскую среднюю общеобразовательную школу с серебряной медалью, в 2012 - ГГТУ с отличием.

Большое влияние на стиль будущих стихов оказали поэты серебряного века, прежде всего Владимир Владимирович Маяковский, чьи революционный дух и нестандартное звучание поэзии зажгли в сердце желание заниматься стихосложением. Первыми опытами были песни.

С 14 лет Артём писал тексты для музыкальных коллективов, участником которых он являлся. В 2010-м году начинает писать свои первые серьёзные произведения. Все они вошли в сборник «Кислородное Голодание», который вышел в 2015-м году и был размещён в сети Интернет.

Живёт в Белом, работает в Москве. Является членом бельского поэтического сообщества, читает стихи как на местных встречах, так и на поэтических вечерах Тверской области, Твери и Москвы.

Последний день лета

Я вышел из сонной гранитовой
пасти,
Дождь протыкал прохожих иглами.
Забав-
Но,
Но
в вихре частых ненастий,
За скучными бранными играми
в друзей и любимых

стр. 2

сквозь тонкость резины,
сквозь горы намёков,
взаимных упрёков,
Совсем позабыли,
что лето убито,
Разбито как стены героя-Славянска,
Оставив души пустое корыто.
Опять разойдётся безумная пляска
из душащих стен,
песчинок проблем,
глобальных трагедий,
триумфов, падений...
Пока эти образы ели мой разум
Радуга взрезала тканность небес,
Пропуская по очереди и по 2 сразу
Мотыльки самолётов с винтами и без.
И люди мокросчастливые,
теснимые автомобилями,
разверзли глаза-окошки
напоследок немножко
Захватить уходящего света,
Завернуть осторожно в газету,
Чтоб не разбился,
а так же искрился
внутри до нового лета.

* * *

Светило марта мраморное солнце.
Случилось всё как раз тогда,
когда лучистый скальпель коцал
плоть снега, а вода

переродилась грязной жижей,
Выталкивая глыбки льда,
Голов похожие на тыщы,
Всплывают что со Стикса дна.

Я был низвергнут в этот ад
из-за рассеянности вечной,
И выбраться скорей бы рад,
Да кожу холодом калечат,

кусают капель муравьи,
и ноги словно не мои.
Позднее тело отомлело.
Прощание со светом белым

Не долгим было – раз и всё,
Вокруг темно и непроглядно,
но вдруг рыданье чьё-то, чьё?
откуда слышу - непонятно!

Смотрю – опять попал куда-то,
туда, где ходят люди сжаты
громадинами зданий на дороге.
Прохожие спешат обить пороги,

трамваи рыцарски гремят,
Но всем нет дела до меня...
Лежу, смотрю как мне в оконце
Всё светит мраморное солнце.

* * *

Хочешь летать под облаками?
так знай! они уж не те,

что улыбают глаза в Интернете,
что рисовал Да Винчи мазками
в своём понимании красоты.
Мне кажется, что менты
поделились своей униформой
с лёгкой и безмоторной

эскадрой небесных бродяг,
создающих небесный стяг.
Ты думаешь это пустяк?
Тогда давай, взлети, ощути,
как копитя свинец в груди,
перекрывая все пути

тысячам тысяч нано-машин,
Быстрых, как звуки от шин,
красных, как 17-й год.
Кто-то из них тебе врёт:
владельцы табачных картелей,
бензоколонок, фабрик, авто?
В их святость многие верили,
верят и будут – мне всё равно.

Иль врут облака и безумцы?
«The end will be soon»
таблички несут
одни, а другие несутся,
словно насадки,
кислотным дождём.

Давай подождём?!?!?!
и в розетках
закончится ток,
опустится смог,
И в мире во всём негасимо
расцветут цветы Хиросимы.

* * *

Провода режут небо
чёрными плетями.
Крайне нелепо,
что мы не заметили,
выходя за порог
купить банку кофе –
полусонный мирок
скоро подохнет,
раскроется салютом
и упадёт на дно.
Красоты абсолютном
может быть что угодно:
Мисс в куче лент
«две тысячи десять»
или Есенин в момент
решения себя повесить;
Рисунки больного
на стенах психбольницы
иль Сант-Сакромоны
в окрестностях Ниццы.
Восприятие – выкидыш
склизкой утробы сознания,
поэтому не объяснишь
своего существования,
А значит - ещё поиграем
в гуманность и принципы.
Призрачно светится раем
рассвет над провинцией.



* * *

Родился снег сегодня раньше
срока,
В утробе тучи он лежать устал
Без дела, без движения,
без прока.
Страдал он, как мифический
Тантал,
Возможности не видя дотянуться,
Прикрыть собою наготу Земли...
И вот летел! Переполняли
чувства
Восторга, предвкушения, любви.

*Любовь Егорова,
Осташков*

* * *

Выбирать теперь кто прав,
Виноват кто – поздно.
Каждый свой имеет нрав
И характер сложный.
Не смогли с тобой понять
И принять друг друга.
А теперь не разорвать
Замкнутого круга.
Ничего не изменить,
Впрочем, и не надо.
С этим просто надо жить,
Без вины, досады.
Но нет-нет – да и кольнет
Давняя обида
Больно. Пусть. Но только вот
Не подать бы виду.
Опустить глаза к земле,
Погасить в них искры.
Нет меня в твоей судьбе,
И в моей ты – лишней.

*Людмила Леоненкова,
Белый*

* * *

Всё-таки морозы наступили.
Утром снег на солнышке искрится.
Хочется, чтоб беды отступили,
Чтоб Господь помог желаньям
сбыться.
Хочется людей вокруг хороших,
Искренних, за пазухой без камня,
Много дней серебряно-погожих,
И весны нежнейше-ароматной.
Лета в разноцветных конопушках,
Осени с шуршаньем рыжих листьев,
Новогодних праздничных хлопушек,
И, как снег январский, чистых
мыслей...

*Светлана Миронова,
Пено*

НЕ ЛЮБИ МЕНЯ

– Сынок, ну иди ко мне, обниму, – ласково звала, протягивая руки, готовая наконец к примирению мама. – Я люблю тебя.

– Не люби меня, – громко кричал, захлёбываясь слезами, мальчик.

– Как же я могу тебя не любить, Кирюшенька? – не отступала она, – это просто невозможно, ты мой самый дорогой человечек.

– Не люби, не люби. Не хочу, чтобы ты меня любила.

– А я буду любить.

– Не люби, я тебе запрещаю меня любить.

– Всё равно буду, вреднющего такого, – мама всё-таки обнимала отбивающегося пятилетнего строптивца.

Это сегодня Кирилл Васильевич с высоты своих «за шестьдесят» понимал, что орала, неистовствовала, бесновалась в нём не только строптивость. Точнее совсем не в ней было дело. Тогда, пятилетний, он не мог анализировать происходящее. Он просто его чувствовал, остро, как порез ножа. Каждая размолвка с матерью для него была жизненной паузой. Прекращением существования. Отбиваясь от маминых объятий, он их жаждал с невероятной силой. И вместе с тем боялся, срастаться тоже было больно, хоть боль и была сладкой.

И сегодня замирал, вспоминая те страшные часы, а иногда и дни. Он не помнил, за какие именно провинности мама наказывала его полным отчуждением. Зато помнил ясно мамино лицо, становящееся вдруг чужим, с него смотрели на Кирюшу ледяные глаза, редкие слова ударяли смерзшимися снежными комьями, хотя он всё равно не понимал их смысла. Теперь он припоминал, что слова не были бранными, они своим холодом лишали способности соображать.

Всё детство он чувствовал себя не маминым сыном, а единой с ней плотью. Они были неразделимы. Даже отлучаясь по делам, мама жила в нём. Он крутился перед большой настенной рамкой с множеством семейных фотографий. То и дело подбегал к ней между играми, топя поочередно правой-левой ножкой, подпевал себе тут же придуманной песенкой:

– Маменька, прискочи, прискочи ко мне...

Казалось, мама, услышав его, тут же возвращалась. Их накрепко связывали невидимые, всюду проникающие нити, способные растягиваться на любое расстояние. И как же больно рвались эти нити в холодном пространстве, устроенном мамой без видимых для ребёнка причин. Разве существует такая вина, за которую можно разде-



Маргарита Петрова,
г. Андреаполь

лать единое целое? Он слонялся по дому или забивался в темный закуток. Ему ничего было не надо: ни есть, ни пить, ни спать.

Взрослый Кирилл недоумевал, как же умная чуткая мать не чувствовала, что такие её воспитательные действия ничего на самом деле не воспитывали. Они порождали страх, неуверенность в себе, убивали чувства. Она ни разу не подняла на сына руки, но лучше бы отшлепала, так ему казалось теперь. Зато примирения всё искупали, хотя порванные ниточки становились от раза к разу тоньше. Легко ли жить на разрыв?

Семейная жизнь у успешного в работе, вполне симпатичного внешне мужчины не сложилась. Женат был трижды – и всё мимо. Ни с одной из дам сердца прорастания, которого он искал, сам того не понимая, не случилось. После сорока решил для себя: хватит, он не приспособлен жить в паре, и ушёл в сознательные бобыли. Случайные дамы не миновали изредка его порога и постели, но допускались лишь в дом, не в душу и сердце, и не более одного раза. Кирилла такая жизнь устраивала, она давала свободу действий и независимость, ни к чему не обязывала.

Со временем характер его становился жестче, юмор напоминал скорее сарказм, обижающий людей. Многие его сторонились. Он пристрастился к одиночеству. И не только к нему. Теперь зачастую вечера становились приятными лишь в компании буты-



лочки хорошего вина, крепких напитков он не любил, да и врачи не одобряли, так как пережил прободную язву.

Когда вышел на пенсию, у него появились увлечения иного рода. В детстве он посещал художественную школу, неплохо рисовал. Теперь руку опять потянуло к кисти. Его новое занятие на время создало иллюзию жизненной активности. Он снова бывал в компаниях, чаще творческих, участвовал в коллективных поездках в гости к соседям. Такая мода повелась в те годы. Но вскоре почувствовал непрочность этих творческих связей. В одну из поездок его, что называется – перебравшего за дружеским столом, «забыли» на автовокзале. На самом деле в этих творческих жизнерадостных коллективах никто никому не был нужен. Каждый думал о себе любимом. Женщины в таких объединениях преобладали, часто непрозрачно демонстрировали свою готовность сделать отношения более тесными. Но его это не привлекало.

* * *

Перед его 65-летним юбилеем в доме появилась журналистка, присланная редактором газеты их района, чтобы написать парадную статью. Бойкая особа совсем не насторожила Кирилла Васильевича, даже когда начала разглядывать и восторженно восклицать у его картин. Он знал им и себе цену: данные есть, но вещи любительские. До профессионалов тянуться и тянуться, чего он делать не собирался. Ему достаточно было и такого уровня, просто писал в своё удовольствие.

Дату отмечали в местном кафе. Не придал юбиляр значения и тому, что журналистка, очень недурно кстати написавшая о нем очерк, оказалась в банкетном зале на соседнем стуле. Как-то так стекло. Не насторожило его и то, что необычно, очень легко и душевно пошла их беседа. Оба, как выяснилось, много читали, любили поэзию, оба немного рифмовали. Он не проводил её домой, чего, как ему показалось, она ожидала.

Потом оба случайно оказывались на выставках, встречах, организованных библиотекой. И говорили, говорили.

Когда он вдруг понял, что всякий раз подсознательно ждёт её появления в тех местах, куда сам направлялся, забеспокоился. «Это что, я на седьмом десятке романы затевать пытаюсь? – вопрошал он себя. – Нет уж дудки, не дождётесь, мадам». Будто «мадам» его о чем-то спрашивала. На очередное мероприятие он не пошёл

именно потому, что был уверен: она будет там.

Карантин выдерживал несколько недель, а когда стал появляться в посещаемых обоими местах, Регины, так звали журналистку, нигде не было. Через месяц пустых надежд... Каких надежд? Он гнал из сознания это слово. Убеждал себя, что просто интересно, куда человек, так часто встречающийся прежде, вдруг подевался.

– Ну и ладно, так даже лучше, – пытался обмануть зарождающуюся под костью груди тревогу.

Однажды, заглянув в «Одноклассники», обнаружил сообщение для себя из соседнего города. И когда сообразил, что оно от Регины, почувствовал тихую радость. Завязалась переписка. Выяснилось, что это её родной город, а к ним она приезжала временно. В редакционном коллективе образовалась прореха, как сообщила ей подруга. Почему б и не подработать. Всё равно на пенсии.

Вначале они нащупывали тропы. Скидывали взаимно фотографии из разных жизненных периодов.

– Слушай, как ты похожа на наших по материнской линии, – удивился он, рассматривая её «молодые» снимки.

Ей это понравилось.

Каждое утро, едва продрал глаза, Кирилл бежал к ноутбуку, чтобы написать ей «привет», а вечером не засыпал, не отправив «спокойной ночи». Он отпустил вожжи и уже не пытался контролировать свое поведение. Прочитавший их переписку мог решить, что это не солидные люди достойного возраста, а двое юнцов. А они молодели не только душами, но и лицами, потому что улыбка с них не сошла. На расстоянии и она осмелела.

- я скучаю, когда тебя нет в Одноклассниках

- Я в то место вернулся через лет 30... Там мох и бор рядом... С пионерского лагеря помню... Всё рядом

- и нашел же, через 30 лет!?

- ты меня сейчас бы поругал, муху прибила, на экран села, с балкона залетела, когда бельё вешала. Ты бы её на улицу вынес

- Засуши, зимой пригодится

- зачем? ты засушишь трав

- по стихам ни слова? нет чего сказать?

- Пишешь - молодец. Я окно вставил. У меня сейчас всё квадратное... и мир стал серым, серым, серым как оконное стекло... Рядом ещё одна стеклопакетная стерва... Надо на место ставить... Тоже стихи?

- а чем не стихи?

* * *

Блестят от дождя дороги
Газоны – сплошная грязь.
Башку терзают тревоги
И мыслей тяжёлая вязь.

Мы солнца не видим с лета,
На небе клубится серь.
Но сердце мечтой согрето,
Ты в это, товарищ, верь!

*Светлана Виноградова,
Нелидово*

* * *

Дыханье моря меня будит,
С дыханьем моря спать ложусь;
Вторые лёгкие – не крылья,
Но с лёгким сердцем я кружу
Меж тополей пирамидальных,
Меж цветников не заблужусь,
И на камнях тропы здоровья
Своё здоровье нахожу.
На Черноморском побережье
Такая нежная лазурь.
Я пью с небес коктейль воздушный,
И ни в одном опять глазу,
Хотя и пьян и сыт по горло
От кислородного сырья –
Я прилетел на побережье,
Я рад, что дни бегут не зря:
Без суеты, с ленцой, без спешки,
Я первобытно обнажён,
Меня ласкает нежно солнце –
Не до любовниц, не до жён.
Я трудоголик по природе,
Здесь – отдыхающий лентяй,
Устану за день от безделья,
Засну как малое дитя.

*Юрий Назаров,
Осташков*

ОТСТУПНОЕ КРИМИНАЛЬНОЕ

Крадучись, походкой воровскою,
Уходя за дальний-дальний лес,
Не сулило лето нам с тобою
Ни тепла, ни сказочных чудес.
Уходило лето, медью тусклой
Откупалось подло, не таясь,
Нищенскую мелочь, – не «капусту»
У калитки нашей, прямо в грязь,
Щедрыми пригоршнями кидало
Ожиданьям радости взамен.
Заскребли сомнения: «Не мало?
Принеси-ка, миленький, безмен».

*Светлана Большенкова,
Нелидово*



НАДРЕЧНОЕ

Я не пишу о том, что было не со мною,
И оттого теперь стихи мои редки.
Они текут подобно маревому зною
Над синевой большой
медлительной реки –
Сквозь полусны, сквозь годы
душного столетья,
Сквозь белый шум и празднословье бытия.
Лучей кувшинковые тёплые
соцветья
Целуют синь, пронзая воды забытья.
Они на миг стремятся вечности
коснуться,
Себя вверая заповедной тишине...

Ещё мгновение – и дали
разомкнутся,
И прекратится этот яркий сон во сне...

*Игорь Столяров,
Нелидово*

СОЛНЦЕ И МОРЕ

В рассветный час из вод глубоких
Круг ослепительной звезды
Встаёт, чтоб день трудиться в поте
На осветительной работе,
Не получая за труды.
Едва закончив в небе смену,
Уйдет опять в глубины вод,
Вскрыв то ль артерию, то ль вену...
И плащ багряный вновь наденут
Морская гладь и небосвод.

*Юрий Назаров,
Осташков*

Точно пряники на скатерти снегов –
избы с кружевом по окнам, мир
другой.
Сладким кажется, да только горько
есть:
пятьдесят дворов – дымы пускают
шесть.
И собакам лаять не найдётся повод.
Холод.
То ли женщина прошла с пустым
ведром,
то ли кто-то наломал по дури дров,
то ли чин при власти наши сёла
сглазил.
До апреля закрывается магазин.
Старожилов – до десятка.
Зайцы, белки.
Welcome!

*Сергей Воробьёв,
Тверь*

- Это песня Лозы «Стерва», лови, послушай.

- а, не знала

- ты бы рассказик написал, про Китю. Я так его жду.

- Обычно к этому времени что-то пишется, но не в этом году... одни полуфабрикаты.

С этим, казалось бы, лёгким трёпом и прорастали незаметно, пренебрегая расстоянием, связывающие накрепко нити. Расстояние им не было помехой. И где-то в глубине души рос страх: это не может длиться вечно... и что тогда? Опять боль на разрыв?

Тогда и вспомнились Кириллу эти детские размолвки с мамой. Испугало его и ещё одно странное совпадение с той порой.

Регина решила выбрать для каждого из них кодовое имя, чтобы знали его только они. Для него имя никак не удавалось, все были как-то не о нем. Однажды Кирилл скинул ей стикер с изображением забавного бегемотика, так, без всякого тайного умысла.

- Слушай, – обрадовалась она, – какой симпатяга, как он на тебя похож. Или ты на него. Давай тебя так и назовем. Не против?

Он обомлел на секунду. Именно так иногда называла его в детстве мама.

- Откуда информация? – раскрыл он причину своего удивления. – Ладно, пусть так и будет, такой же толстокожий.

Она тоже была ошарашена:

- Да я ничего не знала про маму твою, просто это тебе подходит очень.

Регина несколько раз приглашала в гости – то на голубцы из свежей капусты, то в музей по случаю проходивших там очередных краеведческих чтений. Кирилл всякий раз находил причины для отказа. Однажды, не предупредив, всё-таки приехал. Адрес знал, они успели обменяться посылками с книгами. Двор он таким и представлял по рассказам. За те двадцать минут, что топтался под деревьями, пережил десятки душевных подъемов и падений.

- Зачем я ей со своими проблемами? Или всё-таки зачем-то нужен? А вдруг? Нет, здесь все будет сложно...

Вспомнилось, как на одно из приглашений Регины, выложил в сеть, зная точно – она поймет, что к чему, – популярную песню, приписываемую Высоцкому, со словами:

У неё все свое – и жилье и бельё...

У меня ни хрена на окошке...

И все-таки ждал чего-то:

- Выгляни, – шептал про себя, – почувствуй.

Она не почувствовала. И он уехал. Она так и не узнала об этом кратком дежурстве под окнами. А он обиделся – на неё ли, на себя, не знал сам. Сообщения его стали суше, что её явно смущало. Наметилась трещина. И опять защемило, затревожило то давнее чувство скорой утраты.

* * *

В один из летних дней зазвонивший мобильный, схваченный им на бегу, вдруг заговорил её голосом:

- Привет, я приехала.

От неожиданности он онемел.

- Я по делам здесь, сегодня ночью на маршрутке назад, – продолжала, падая голосом, Регина в молчащую трубку, явно не ожидая такой реакции, – хочешь, приеду к тебе?

- Хо... хочу...

- Что? Хохочешь? – рассмеялась она таким родным смехом, – толстокожий мой, я по тебе соскучилась.

И дар речи вернулся к нему, и день потеплел, и воздух стал ароматнее, и откуда-то появилась яркая бабочка.

- Конечно хочу, жду. Завершай бегом свои дела – и ко мне. Я тут пока со своим бардаком разберусь, ты ведь без предупреждения.

Вещи распахивались по шкафам и комодам с молниеносной быстротой, посуда вставала на полки, обтекая пеной фейри, швабра лихо вычищала углы и закоулки комнат.

- Маменька, прискочи, прискочи ко мне, – напевал он за делами радостно, сам не понимая и не помня, откуда всплыли эти строки...

Потом сбрил недельную щетину, слегка порезавшись. Посмотрел на себя в зеркало... Обвел взглядом свою захлавленную квартиру с удобствами во дворе, машинально надевая приготовленную лучшую рубашку... Сел на тахту, затянутую суровым темным одеялом... Уточнил время по наручным старым любимым часам – каким оно стало вязким и тягучим... Встал, потоптался бессмысленно, как в замедленном кадре...

Вдруг, быстро сменив новые туфли на сапоги, накинув штормовку на плечи и бросив рюкзак за спину, вскочил на стоявший во дворе велосипед и стремительно погнал его к ближайшему лесу.

- Не люби меня, не люби меня. Я запрещаю тебе меня любить...



Как-то неожиданно зима

(ЗАРИСОВКИ С ПРОСЕЛКА)



* * *

В оглошем селе листопадным
покоем дыши.
От жизни, от осени даже надежды
не требуй...
К последнему свету из тьмы, по
маршруту души –
По куполу храма – берёзы
взбираются в небо.

К зиме деловиты синицы. Мерцают
грибы...
Сегодня напрасно они грибников
ожидали.
На птичью удачу, на фарт
перелётной судьбы
Сырые ветра на последних
ромашках гадали.

По стылой росе уходи к золотой
полосе,
Где острые звёзды над чёрной
водой у болота.
Ты видишь, над лесом последнюю
стаю гусей,
Как змея бумажного, держит на
ниточке кто-то?

.....
Здесь страшные сны. И тоска, и
разор – без войны.
И голые ветки под ветром
стремительно хлестки,
Но, кажется, рядом стоит Властелин
Тишины –
Хозяин гусей и упрямой церковной
берёзки.

**Василий Рысенков,
Торжок**

Сюрприз

Зима с лентой, но послужила –
хватит.
Теперь в избушке коротает дни.
Нашла снежинки где-то на полатах:
«Куда они?»

А мы уже надеялись на лето.
И думали – немного подождём.
Вот лопнут почки.
Вот – листочки...
Где там?!

Вон снег с дождём.

Зимы прошедшей белые последки –
Апрелю неожиданный
сюрприз.
Вагончиками копятя на ветках
И едут вниз.

**Елена Павлинова,
Тверь**



Светлое небо недавно наступившей зимы не радует глубиной. Плоское оно какое-то – может, оттого, что облаков нет. Да и вообще первые морозы не слишком приятны – не акклиматизировались ещё.

Напугали они всех, даже снегирей и синиц еще не видно, и только наглые сороки ищут, где бы кусок урвать. Утки жмутся к берегу – попрошайничают, а улетать не спешат. Надеются на теплую зиму? А убираться в теплые края надо, не прокормят сердобольные старушки и матери с детьми такую ораву.

Грязь задубела прикрытая тонким снежком. Да, грязь – наше всё. Копа-

ем, копаем, месим её - каждый год одно и то же.

Не радует пока зима снежными сугробами, да и кому они нужны, если честно? Коммунальщикам? Вот уж нет. Постоит мороз недельку – закуёт землю. Любителям кататься на лыжах? Эти ждут, лыжи наострили, смазали. Только по кочкам не побежишь, а в лесу так вообще еще чернотроп.

Рыболовы тоже уже не спят: рискуют, но побежали по озерам. Молодой ледок трещит, прогибается, а держит, в отличие от весеннего. И всё равно страшно. Как-то неожиданно зима наступила, но это всегда так.

**Иван Кирпичев,
Нелидово**





Внимание: КОНКУРС! Итоги

Жюри подвело итоги конкурса короткого рассказа, начинающегося фразой: «Вася пил уже трое суток...».

ЛУЧШИМ признан рассказ **Ивана Кирпичева** (Нелидово) «**Тайна**» («**Тайна, растворенная в дожде**»).

ВТОРОЕ МЕСТО присуждено рассказу **Елены Ахременко** (Андреаполь) «**Последняя капля**».

ТРЕТЬЕ МЕСТО присуждено рассказу **Светланы Тимофеевой** (Западная Двина) «**Гитлер капут**».

По условиям конкурса:

Победитель (первое место) в качестве приза получит памятный подарок: авторскую работу (художественная роспись по стеклу) Светланы Большенковой – поэта, журналиста, члена творческой группы «Западный форпост». Авторы рассказов, занявших второе и третье места, получат сборник поэтических переключек «В бессонные ночи затейливы строчки».

Время и место сбора для вручения дипломов и наград победителям сообщим дополнительно. Оно будет зависеть от состояния эпидемиологической ситуации.

Лучшие рассказы были опубликованы в газетах «Западный форпост», «Андреапольские вести», «Нелидовские известия».

* * *

ДОТ

Умирать на чужой земле
 Мерзко.
 Умирать на чужой земле
 Страшно.
 Лучше линию фронта в котле
 Резать,
 Но судьба рассудила — в огне
 Башня.
 Бой окончен, остались следы
 Драки:
 Рядом «Тридцатьчетвёрка» и я —
 «Трешка».
 У нас вечность есть, чтоб рассудить,
 Враг мой,
 Чья ответственность это и чья
 Ноша.
 Впрочем, что говорить, из нас ты —
 Дома.
 Умирать за родные края —
 Слава.
 Пара выстрелов, каждый застыл
 Тонной,
 Только памятник ты, ну, а я —
 Свалка.
 Я не знаю, кто будет потом
 Править.
 Исторический взгляд — не удел
 Танка.
 Мой удел —
 В тишине, во мгле
 Умирать
 На чужой земле.

**Артём Виноградов,
 Нелидово – Москва**

Взрывы зелени высокой
 Прячут прошлое от нас.
 Дот разбитый у дороги
 Неприметен стал для глаз.
 Мы оружие искали
 Здесь когда-то в 10 лет
 И войну воспринимали
 Детской радостью побед...
 Скрытый буйною листвою,
 Вижу дот теперь другим –
 Бывший бастион разбоя...
 Он природой нетерпим.
 Пространство он всё-таки занял,
 Отнял у пригорка склон –
 И ветер колотит ветвями
 В замшелый немецкий бетон.
 Но ржавую злобою скошен
 Прут словно в засаде змея.
 Дот смертью забыт, но не брошен.
 Прошлого ужас тая.
 Природа ещё с ним воюет.
 Дробят эти камни цветы.
 Как рану земля зарубцует
 Незваных пришельцев следы...
 А взгляд в раздумье чертит
 Давно условный круг...
 Бывший сектор смерти
 Теперь зеленый луг.
 Не пули в рикошете –
 Птицы здесь поют,
 И солнце на рассвете
 Не боль несет, уют.

**Святослав Кетлеров,
 Нелидово**

ПРЕХОДЯЩЕЕ

У котёнка суета,
 Что на кончике хвоста.
 Хочет котик укусьте
 Или лапой зацепить,
 Хвост поймать в движении,
 Неистовом вращении...
 Это скоро с ним пройдёт –
 Суеты не терпит кот.

**Святослав Кетлеров,
 Нелидово**

* * *

В чуть приоткрытое оконце
 Весна ворвалась на постой.
 Не луч бушующего солнца,
 Бушует ветер молодой.

Давно ль тут вихрь февральский
 правил,
 Знаток интриг и тайных дел,
 Мальчишкой нынешний без правил,
 Без туч-визиток залетел.

Не ждали? Нате, получайте
 Листвы лежалой аромат
 И перышко случайной чайки,
 Костров запретных лёгкий чад.

Ворвался, взявшись ниоткуда,
 Исчез неведомо куда,
 Оставив предвкушенья чуда
 И образ вербы у пруда.

**Маргарита Петрова,
 Андреаполь**

* * *

Что было, то уже давно прошло.
 Что будет дальше – знает только
 Бог.
 Но оголит бесстыжее тепло
 Весною кожу стройных женских ног.

И кровь бежит быстрее, взглянёшь
 едва
 На то, как в «мини» девушка идет.
 Ведь где-то в закоулках естества
 Запрятан бесконечной жизни код.

Что было – скроет времени туман.
 Что будет... Кто же знает наперёд?
 Но только птиц весенний караван
 Одно и то же сотни лет поёт.

Вернется всё. Кричи иль не кричи -
 Планета совершит свой оборот,
 И к ранней Пасхе прилетят грачи,
 И о любви напишет рифмоплёт.

**Иван Кирпичев,
 Нелидово**



СНЕЖНЫЕ ПУШИСТЫЕ СТИХИ

* * *

Заносит пути-дороги белёная
кутерма.
Медведицу в берлоге
ворочается зима,
Снегами шуршит тихонько от
осени до весны,
Баюкает медвежонка и шепчет
на ушко сны.
Игривые аметисты среди
ледящей мглы,
Они, как весна, цветисты, они,
как снега, теплы.
И шёпот знакомо-снежный
малютке даёт покой,
Касаясь дыханьем нежным, как
ласковой рукой...
А мне по ночам не спится, когда
после дня хлопот,
Уставшие торопиться, часы
замедляют ход.
Они позабыли сами, что год
начинает круг.
Что где-то за полюсами под
белым дыханьем вьюг
Вздыхают монотонно
заснеженные поля.
...Во тьме по-медвежьему сонно
ворочается земля...

*Игорь Столяров,
Нелидово*

* * *

Уже траву поземка замела
И тонкий лед по краю тихой
речки.
Две пары фраз – две капельки
тепла –
Согреют лучше крепкой русской
печки.
Хоть тяжелы предзимние ветра
И рвут одежду лапами грифона.
Приятней звона горсти серебра
Любимой голос в трубке
телефона.

*Иван Кирпичев,
Нелидово*

* * *

А снег летит такой пушистый,
Кристалльно-чистый, невесомый,
Ложится шапками на крыши,
Холмами вздыбился сугробов.
Ковер раскинул на дороге,
Узоры – редкие следы,
Что оставляют лапы, ноги,
Собак, котов, твои, мои.

*Людмила Леоненкова,
Белый*

В КОЛЫБЕЛИ ТИХОЙ РОДИНЫ

В колыбели тихой родины
Вновь метель меня баюкает,
Успокаиваюсь звуками
Ветра с Западной Двины.

Для чего-то были пройдены
Чужедальние дороженьки,
Там не лечат подорожники,
Суховети солоньки.

Шла удача в руки вроде бы,
Не смешали карту промахи,
Но лишь ночь - в глазах черёмуха
Над Двиной, о доме сны.

...Тихо в душе отколобродив-
шей,
Снег легко как руки мамыны
Плечи обнял незлопамятно
В испуление вины.

*Мargarита Петрова,
Андреаполь*

* * *

Долгожданный снег на лужах
Белой пеною лежит.
Непогода ветер кружит,
Зиму-тройку тормозит.
Сани ждут морозов крепких,
Люди – снежной чистоты,
Что всегда была подпоркой
Хлябям нашей нищеты.

*Святослав Кетлеров,
Нелидово*

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Полночный снег, явившийся
внезапно,
Когда его природа не ждала,
С землёю познакомившись
едва,
К утру весь растворился без
остатка,

Успев, однако, полежать
с травой,
Вогнать в озноб последние
цветы...
Никто не осквернил его
тропу, не тронул
первозданной чистоты,

Зачем же прилетал он тайным
гостем?
А, впрочем, не такой уж тут
секрет:
Зима ждала, когда исчезнет
осень,
И на разведку отправляла
снег.

*Любовь Егорова,
Осташков*

ОПЯТЬ ПРО ДОЛЛАР И ПОГОДУ

Вода и лёд.
и кто поймёт
какое нынче время года?
Кидает нас в огонь и в воду,
ну, а потом наоборот.
А мы живучи – не возьмёшь!
то в касках все, то водолазы.
Нам чтоб обжечься – мало раза,
и льдом колючим не проймешь!

И даже серый небосвод
нам не даёт авансом солнца.
Нам – всё равно, мы ж не
японцы,
а русский, праведный народ.
Терпеть, терпеть. Вот наш удел.
Уже и вилы заржавели.
И вроде – ум, и сила – в теле...
...А бакс, ядрёна вошь, взлетел!

*Сергей Воробьёв,
Тверь*